

Три капли Крови

Валентина Вендельская

18+

Валентина Вендельская

Три капли крови

«Автор»

2026

Валентина Вендельская

Три капли крови / Валентина Вендельская — «Автор», 2026

Гвенейра — принцесса, запертая в башне. Ее дар — исцелять тех, кого пожирает Мрак, окутывающий королевство. Она в безопасности от мира. Пока ее не похищают Защитники Света — те, кто называет ее Спасительницей из пророчества. Они говорят, что ей предначертано найти Героя и уничтожить Королеву Погибель — свою собственную мать. Все, во что Гвенейра верила, рушится. Что делать, если ты не хочешь быть спасительницей? А Герой совсем не такой, каким его ожидал увидеть мир? Дитя Света, воспитанное тьмой, иди вперед. Но помни: все пророчества написаны кровью.

© Валентина Вендельская, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Снежинка и Тень	7
Глава 2. Глотать тишину	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Валентина Вендельская

Три капли крови

Пролог

Похоронные колокола бьют трижды.

Королева Лилия медленно опускает шитье на колени и закрывает глаза, желая незнакомой мятежной душе долгожданного покоя.

Глухой звон повторяется еще раз, растворяясь в тишине.

Зима в этом году пришла рано. Снег толстым слоем покрывает все вокруг, белый и ровный словно гербовая бумага, на которой росчерками пера кто-то нарисовал черные и кривые стволы деревьев, как послание самим небесам. Замок то ли огромное чудовище, простирающееся впереди, то ли защитник, обнимающий стенами своих жителей.

Может, и то и другое. Как и все, кто когда-либо оказывался на троне.

Королева Лилия сидит в саду, таком же белом и тихом, будто снег крадет каждый звук — слышен только слабый перешепот ветра среди голых ветвей. Одно тяжелое одеяло скрывает ее фигуру, а второе лежит на плечах, опускаясь до самой земли тяжелой вуалью.

Стражники маячат повсюду, молчаливые и преданные, больше похожие на тени, чем на живых людей.

Колокола больше не звонят — королева Лилия открывает глаза и снова берет шитье в руки тонкими, чуть дрожащими от холода пальцами. Острая игла в них блестит ярким серебром, рисуя нитями узор.

Не для себя.

Не для короля.

Для того, кого еще нет.

Вышивка — прекрасный сад роз, которые должны расцвести, когда сойдет снег, земля очистится от мороза и наполнится теплом весны. И тогда все станет сначала зеленым, а после — бесконечно алым. Как огромный пожар.

Когда-то именно этот сад приказал сделать для королевы Лилии король Альбин вскоре после свадьбы, в доказательство своих чувств.

Ибо моя любовь так же ярка, как эти розы.

Королева Лилия делает очередной стежок, а потом еще, превращая алую нить в бутон. На их свадьбу тоже принесли розы, так много, что от запаха было тяжело дышать. Задумавшись, она слишком сильно вдавликает иголку в ткань — острый кончик вонзается ей в подушечку безымянного пальца.

— Ой

Она неловко отдергивает палец в сторону, чтобы ничего не попало на драгоценную вышивку: ей не хочется начинать заново, а кровь так тяжело удалить с ткани, не оставляя пятен. В ее памяти еще хранится та далекая детская вышивка, покрытая разводами розового и красного. Матушка сжигала ее вечерами, несмотря на все протесты.

Кап, кап, кап — как удары сердца под клеткой ребер.

Три капли крови падают на снег рядом со скамьей.

Алые.

Яркие.

Как любовь ее короля.

Они странно похожи на маленькие лепестки роз. Королева Лилия смотрит на них, словно замороженная.

Она смотрит — и молчит.

Король Альбин подходит к ней сзади. Шорох его мантии исчезает в глухом звоне брони стражников, следующих за ним следом.

— Ты в порядке, мой цветок?

— Все хорошо, — отвечает королева Лилия, не поднимая глаз от трех капель крови на снегу.

В этом есть нечто большее, чем просто случайность. Она странно уверена, но не знает, как сказать, в какие слова облечь те чувства, вдруг возникшие внутри нее подобно странному летнему сну.

Король Альбин аккуратно и ласково, как неоперенного птенца, ловит ладонь королевы Лилии в свою и прижимает к губам. Она удивленно выдыхает, когда он мягко целует раненый палец, оставляя след от крови на собственной губе.

Рука королевы Лилии слегка дрожит, но она улыбается.

— *Ее кожа будет белее снега. Волосы чернее древесной коры,* — шепчет она, на мгновение замолкает, будто у нее перехватило горло, и продолжает еще тише: — *А губы алее крови.*

Король Альбин мягко проводит пальцами по ее подбородку, как будто желая то ли поймать каждое слово, то ли не дать ей продолжить.

— Значит, ты думаешь, что родится принцесса? — тихо спрашивает он. — Уверен, она будет так похожа на тебя, мой цветок.

— Нет, — королева Лилия медленно качает головой. — Совсем-совсем не похожа.

Король Альбин вздрагивает и улыбается странной дрожащей улыбкой. Кажется, что королева одновременно смотрит мутным взглядом прямо на него и куда-то далеко-далеко в будущее, в котором по этим тропам уже ступают ноги принцессы.

— Она будет прекраснее всех, — заканчивает она едва слышно. — Она будет ярче всех. И тоже улыбается.

Король Альбин медленно выдыхает, позволяя этим словам осесть где-то в его сердце и превратиться из простого пожелания нерожденной принцессе в нечто большее.

В пророчество, о котором никто из никогда не просил.

— Все будет хорошо, — обещает он. — Я защищу ее, мой цветок.

На ресницах королевы Лилии блестят слезы.

Где-то среди голых ветвей стремительно проносится маленькая тень — ворон взмывает далеко ввысь и уносится прочь.

Три капли крови остаются на снегу.

Снова бьют колокола.

Глава 1. Снежинка и Тень

Чудовища рычат.

Гвенейра бежит.

Она не знает, куда именно, но знает, что нельзя останавливаться. Лишь бежит, едва ли разбирая путь перед собой. Каждый шаг скользит по сыроватой земле, каждый вздох — слишком громкий, слишком быстрый, слишком короткий. За спиной — они. Волки. Или огромные монстры из самых страшных сказок? Неважно. Они хотят ее смерти.

Они хотят ее сожрать.

А ведь она даже не помнит, как оказалась здесь, в глухой чаще, а не в теплом и безопасном замке.

Лес вокруг темнее, чем должен быть ночью, странно чернильный, без листьев, без слабого лунного света. Лишь силуэты, движущиеся между деревьями, и их хрипы — то ли смех, то ли рычание. Воздух давит, как вода на глубине, и она задыхается им.

Как в тот раз, когда она чуть не утонула в озере у замка, будучи еще младше, чем сейчас.

Кожа липкая от холодного пота. Кто бы ни преследовал ее, они приближаются. Она чувствует запах их дыхания — раскаленного железа и чего-то гнилого, будто они не просто вышли из чащи, а вылезли из-под земли, чтобы найти ее.

Впереди — дыра между густых корней. Не могила, нет — скорее, спасение.

Она прыгает внутрь, не раздумывая, приземляется резко, камни впиваются в уже ободранные колени, разрывают ткань платья. Но она прижимается к стенке укрытия, стараясь стать как можно меньше, совсем-совсем невидимой. Слиться с землей настолько, насколько это возможно.

В руках — только палка. Слегка заостренная, с торчащими сучками и кривая, совсем не похожая на настоящее оружие, какое есть у стражников дворца. Она держит ее перед собой, как хлипкий щит. Как ржавый меч. Как последнюю надежду на спасение.

Какой бы бесполезной на самом деле палка ни была.

Гвенейра слышит вой. Высокий, жуткий, такой, от которого кожа стягивается, а мысли путаются. Он кажется одновременно близким и далеким, будто исходит откуда-то из самой ее головы, отдается в ее костях.

Гвенейра закрывает глаза.

Не найдите меня. Пожалуйста, не найдите. Меня здесь нет.

От страха у нее дрожат руки и ноги, колени стучат друг от друга, грозя уронить ее на грязную землю. Страх наполняет рот горечью, легкие — давлением, будто их сжимает огромная невидимая рука. Она даже не плачет, а лишь испуганно икает сквозь стиснутые зубы. Сердце стучит так громко, и она боится, что ее услышат.

Потом — шаги.

Медленные. Тяжелые. Знакомые? Кажется.

Кто-то останавливается рядом.

Гвенейра поднимает палку и из последних сил тычет вверх, в тень, в фигуру, которая наклоняется к ней.

— Уйди! — хрипит она, голос едва выходит из ее горла, дрожит и крошится на куски. — Я могу ударить!

Фигура не двигается.

А потом — голос. Женский. Низкий и уверенный, подобный чему-то крепкому, как скала.

— Ты в безопасности. Это я. Вылезай.

Гвенейра замирает.

Этот голос...

Она знает его. Она помнит его.

Она медленно открывает глаза и поднимает голову, чтобы увидеть знакомое лицо. Черное платье, на котором ни капельки лесной грязи, высокая осанка, холодные глаза, смотрящие на нее чуть мягче, чем обычно.

Королева.

Ее Королева.

Ее мачеха.

Ее мама?

Гвенейра не помнит свою родную маму, умершую в миг ее рождения, только кормилиц и нянечек, постоянно меняющиеся одна за другой. Десятки новых лиц постоянно, потому что ее отец едва ли кому доверял ее безопасности.

А потом появляется ее мачеха.

Точнее, ее отец женился снова.

Гвенейра все еще держит палку дрожащими пальцами, цепляясь в кору ногтями до боли. Теперь она чувствует себя глупо с ней. Как палка поможет против волков? Она с трудом разжимает ладони и бросает бесполезное оружие на землю, а потом протягивает руки.

Королева — мама — берет ее. Легко. Крепко. Без слов.

И вытаскивает ее из ямы, как будто никогда бы не подумала оставить ее там. Как будто знала, что придет именно в этот — самый нужный — момент.

Гвенейра в безопасности. Все закончилось.

А потом она делает то, чего раньше никогда не делала. То, что раньше казалось ей невозможным, по-своему неправильным, потому что у них было всего два года рядом, прежде чем отец умер.

Потому что до этого Королева — мама — казалась такой далекой и странно равнодушной к судьбе Гвенейры.

Она кусает губы и обнимает Королеву маму.

— Мама — пауза, испуганный всхлип. — Пойдем домой.

Королева — мама — отвечает не сразу, только обхватывает ее плечи рукой, прижимает ближе, чем когда-либо прежде, хотя Гвенейра своими грязными ладонями пачкает ей платье.

Но в этом объятии больше тепла, чем во всех каминах мира.

— Не плачь, Снежинка, — мягко говорит Ко мама и гладит Гвенейру по макушке. — Ты была храброй.

Снежинка? Так ее даже отец никогда не называл, но ей нравится. Звучит странно мило и тепло, пусть снег и должен быть холодным. Гвенейра не верит в свою храбрость, потому что храбрые люди не убегают, а сражаются до самого конца, как герои в сказках, но все равно прижимается сильнее в ответ.

Рука мамы на ее макушке, твердая и уверенная, будто так и должно быть. Они рядом, в объятиях, и поэтому никто и ничто не может причинить вреда Гвенейре. Не тогда, когда мама здесь. Внутри странно тепло и спокойно, хотя они все еще посреди странного чернильного леса, пахнувшего пеплом.

А потом руки мамы нет.

Гвенейра моргает — мама здесь, рядом.

Гвенейра моргает еще раз — и мамы уже нет, только липкая и холодная пустота касается ее рук и спины.

Она испуганно отступает, ноги скользят по грязной земле, одна ее туфля цепляется за торчащий корень. Вокруг никого нет — ни мамы, ни отца, ни даже стражников из замка, которые пришли бы ее спасти.

Чудовища рычат, сверкая алыми глазами из темноты — они огромные, их дыхание глубокое и странно влажное, с хрипом, кажется, что сам лес дышит вместе с ними. Что сам лес живой, что сам лес стал одним огромным монстром, который хочет ее съесть.

— Мама! — кричит Гвенейра, совсем не заботясь о том, что ее услышит каждый притаившийся в глубине тьмы монстр.

Главное, чтобы ее услышала мама.

Неважно, та мама, что живая, или та, что мертвая.

— Мама, где ты?! — Слезы текут по щекам, дышать становится все тяжелее, словно каждый звук крадет у нее воздух. — Мама не бросай меня

Последние слова больше жалкий хрип, чем крик, перед глазами все расплывается от слез. Чудовища рычат еще громче, Гвенейра отступает еще дальше

Нога высказывает из застрявшей в корнях туфельки

Земля под другой ногой исчезает

Гвенейра падает, кажется, в ту же самую яму, в которой недавно пряталась, но сейчас она больше похожа на распахнутую пасть.

Над головой ровный и равнодушный диск луны.

Спина ударяется о камни и осколки костей.

В яме лежит сверкающий белизной череп с короной — и корона впивается прямо в него, образуя сеть трещин, будто корона растет из костей, как будто это не украшение, а часть черепа.

А внутри трещинки еще тоньше, аккуратней, идущие от висков к затылку, словно кто-то вдавил пальцы в череп изнутри. Из них течет кровь тонкими алыми нитями.

Как из костей может течь кровь?

Гвенейра через силу отворачивается от черепа и смотрит вверх, в горящие глаза — в глаза своей смерти.

Чудовища бросаются прямо на нее, в эту яму.

Она кричит.

Она просыпается с сердцем, колотящимся где-то в горле, подобно попавшей в силки умирающей птице.

Кажется, что ребра давят сильнее самого тугого корсета, лишая ее воздуха. Нет, она не может дышать, только лежать на месте, ощущая все и ничего сразу. Липкие и холодные капли пота медленно стекают по ее лбу и груди, пока не впиваются в волосы и одежду. Ей одновременно и очень жарко, словно само пламя течет у нее в крови, и пронзительно холодно, будто она вышла на мороз только в ночнушке.

Ей просто нужно всего один раз вдохнуть — и снова начать дышать.

Вдох и выдох, как ее учила мама.

Как и нужно со всем этим справляться.

Тело неприятно тяжелое, словно ее поместили внутрь каменной статуи, которая выглядит в точности как она сама, но, конечно, совершенно неподвижна. Камень не должен двигаться, поэтому Гвенейра даже не может пошевелить хотя бы пальцем, лишь лежать, пытаясь втянуть немного воздуха сквозь стиснутые зубы.

Кожа кажется странно натянутой, будто кто-то умудрился найти ее края и дернуть со всей силы, а потом приколоть булавками к голове, как это делают с тряпичными куклами.

Если сейчас кожа порвется подобно хлипкой ткани, вывалятся ли вместо кишок и костей на кровать лишь солома и грязная вата?

«Мама» — думает Гвенейра. — «Пожалуйста»

Она сама не уверена, о чем просит — или же просто умоляет.

Что-то темное появляется на краю ее зрения, становясь все больше и больше с каждым мгновением. Чернота выползает из угла ее комнаты, тонкими щупальцами, похожими на рас-

текшиеся пятна от чернил, касаясь каменных стен, заползая в трещины. Прощупывая себе путь.

Чернота — Тень — приближается к ней.

У Тени нет формы, пока еще нет. В прошлый раз она была больше похожа на огромного волка, а сейчас ближе к человеку, но неприятно искаженному, как очень плохой рисунок углем, на который вылили воду.

Тень касается ее руки.

— Уходи, — хрипит Гвенейра, будто выталкивая каждый звук откуда-то из глубины своего горла.

Слово неприятно царапает, цепляется за зубы и оставляет привкус пепла на языке.

Тень дрожит, клубится чернотой.

— Уходи, — повторяет Гвенейра, надеясь, что ее вообще слышно. — Прочь

Тень усмехается, но звук больше похож на треск стекла — и исчезает.

Облегчение почти мгновенное.

Пламя в венах гаснет, приятный ветерок из приоткрытого окна касается ее ласковой ладонью. Она снова может двигать руками, кто-то будто вынул, наконец, стягивающие кожу булавки.

И только тогда Гвенейра делает — может сделать — глубокий вдох.

Воздух царапает пересохшее горло холодом, но теперь она способна дышать, а не пытаться делать дрожащие и хрупкие глотки сквозь зубы.

Тени больше нигде нет. Есть только утренний сумрак, прячущийся в углах спальни, там, куда не достают лучи солнца, прокрадывающиеся из узких высоких окон подобно пугливым кошкам. Самый обычный сумрак, какой там есть всегда.

Бывали дни, еще давно, до ее шестнадцатилетия, когда Гвенейра приказывала служанкам расставлять свечи повсюду, чтобы не оставалось ни пятнышка темноты — одно лишь оранжевое и желтое свечение, ползущее по стенам.

Мама тогда лишь качала головой, позволяя ей заигрывать с ложным чувством безопасности. Но в один день ей пришлось взять Гвенейру за руки и отвести ее в самую темную комнату башни. Это был урок, который пришлось выучить трудным путем: можно убежать от монстров, прячущихся в лесу, но никогда нельзя убежать от тех, что проникает в кости. От того, что может жить в твоём разуме.

Даже если будешь бежать до самого края света, а Гвенейра не может и башни покинуть. По крайней мере, не сейчас.

Она помнит, как они с мамой сидели в той небольшой комнате вместе, способные лишь чувствовать тепло друг друга, но не видеть лиц. Гвенейра тогда дрожала подобно осеннему листку, потому что Тень ее пугала — она все еще пугает, если быть честной.

Но тогда? Особенно сильно.

«Свечи не спасут тебя, Снежинка, — сказала ей мама, не отпуская ее рук. — Ты можешь сжечь целый замок, но даже самый большой пожар не прогонит тьму, которая прячется в отражении».

Тогда слова — наставления — показались Гвенейре невероятно важными, но при этом слишком большими, чтобы уместиться в ее разуме. Одна только мысль о них казалась огромной и неподъемной, будто она пыталась думать обо всем одновременно, но в результате не думала ни о чем. И, конечно, ничего не понимала.

Сейчас она понимает больше: Тень — то, что живет внутри нее.

Неизбежная и справедливая плата для всех, кто прикасается к Мраку — даже для нее, способной от него исцелять.

— Госпожа? — раздается мягкий голос с другой стороны двери.

И Гвенейра в тот же миг словно просыпается во второй раз за это утро. Она снова там, в своей кровати, вся целиком, и мыслями, и телом. И ей нужно встать, потому что сегодня мама снова возвращается к ней в башню.

Сегодня кому-то вновь понадобится сила, прячущаяся в хрупких ладонях Гвенейры — ее исцеление, умение освободить от удушающей тьмы.

В конце концов, это и правда великий дар.

Глава 2. Глотать тишину

Служанка — Ана, которую Гвенейра знает с самого детства — помогает ей одеться: тугой корсет привычно стягивает ребра и давит на грудь. Пусть здесь никто, кроме самой преданной прислуги и мамы, ее не видит, она обязана следовать правилам этикета и носить то, что положено.

Даже тем, кого Гвенейра спасает, не положено видеть ее. Правда, уже по совсем другим причинам.

Она рождена принцессой — и правила приходят вместе с титулом.

Она рождена с даром — и он ничуть не облегчает эту ношу.

Платья всегда тяжелые — слои ткани тянут ее немного вниз, замедляют шаг, опускаются чем-то жестким на плечи, потому что принцесса не должна бегать и носиться, сверкая босыми пятками, по полю. Потому что принцесса должна стоять ровно, приподняв подбородок, и смотреть слегка свысока. Гвенейра не знает, как ощущаются платья у ее мамы, если их примерить: тяжелее, чем у нее? Или, наоборот, в них хотя бы немного свободней?

Гвенейра не знает и пока не хочет знать, предпочитая оставаться принцессой еще чуть-чуть.

Но в этих платьях хотя бы тепло.

Корона у нее другая, легкая и хрупкая на вид, больше диадема, чем что-либо еще. Аккуратная, украшенная крошечными белыми камушками, сверкающими подобно льдинкам. Она легко лежит в ее волосах, становясь еще ярче на фоне черных кудрей.

— Вы хорошо спали, миледи? — спрашивает Ана, поправляя ей прическу.

Именно Ана заплетала ей волосы очень давно. Она делала это с тех пор, как Гвенейра переехала в башню, спрятанную где-то очень далеко, чтобы никто опасный не мог ее найти. Чтобы Гвенейра была полностью защищена.

Именно Ана тонкими бледными пальцами заплетала Гвенейре косы, украшала их небесно-голубыми лентами и мягко напевала колыбельную, когда помогала готовиться ко сну: даже тогда платья было сложно снять самостоятельно. В конце концов, шнуровка у них всегда на спине.

Ана была с ней еще тогда, в странно одиноком детстве без кошмаров, но с тишиной, которую можно есть ложками.

— Мне снились чудовища, — тихо отвечает Гвенейра. — Я убегала от них.

Она не называет этот сон кошмаром, просто не может, потому что когда-то почти все из него действительно произошло. Однажды Гвенейра выбралась из замка, отчаянно желая найти хоть что-то, кроме прячущегося по углам молчания. Она узнала про тайные ходы еще от отца, когда в нем была хоть капля яркости и жизни — и ими воспользовалась.

Вряд ли он рассказывал ей про лабиринты под замком, чтобы она потом совершила глупость, скорее ради ее безопасности. Но что произошло, то произошло.

Известно ли маме про все ходы? Наверное. Гвенейра не знает, она так и не спросила, потому что не могла думать ни о чем, кроме чудовищ, которые оказались в лесу. Были ли это просто волки, тронутые Мраком, или нечто большее, она не помнит. Уже и неважно.

Гвенейра помнит только побег и ту самую острую палку, которую она взяла — потому что волки всегда будут быстрее. Потому что она была отчаянной, глупой и совершенно не желала умирать.

Но мама нашла ее первой. Прежде чем Гвенейру успели сожрать, не оставив даже косточек. Именно тогда королева Валентия — ее мачеха — стала мамой по-настоящему.

Гвенейра переехала в башню, спрятанную где-то в лесах, месяц спустя.

— Вы спаслись, моя госпожа? — спрашивает Ана спокойным, размеренным тоном.

Они не впервые говорят о ее снах. Не впервые Гвенейра о них лжет.

— Да. — И в этот раз тоже. — Меня спасли.

Потому что когда-то давно двенадцатилетнюю Гвенейру действительно спасли, с ней ничего не случилось. Ничего, что было бы страшнее, чем исцарапанные руки и ноги, ну, и, конечно, испорченное платье. А что платье? Ерунда. Как будто у нее было мало платьев тогда.

Но во сне? Гвенейра не знает, потому что проснулась в момент прыжка — за мгновение до чего-то ужасного. Ждало ли ее то, что случилось с владелицей белоснежного черепа в короне?

— Меня спасти, и после я проснулась, — добавляет она, не совсем понимая для кого.

И решительно ничего не говорит про Тень, пришедшую уже после пробуждения. Мама — единственная, с кем она когда-либо позволяет говорить про Тень и Мрак. Не то, чтобы кто-то мог понять то, о чем она могла бы заговорить — для них ее руки исцеляют. И все.

Только мама знает про страх того, что однажды щупальца Тени коснутся не только руки, но и сожмутся на горле.

Гвенейра чувствует пальцы Аны на своей макушке, все такие же тонкие и аккуратные, как и шесть лет назад. Такие же теплые, как и всегда. Руки мамы уже давно — может, и всегда, воспоминания немного нечеткие — холодные, но это не ее вина.

— Это хорошо, госпожа, — мягко говорит Ана и отступает на два шага.

Ее туфли стучат по каменному полу. В башне сложно ходить тихо, даже когда тяжелая ткань многослойного платья заглушает звуки. Ана берет со столика кулон — рубин в черном серебре на тонкой цепочке.

— Позвольте, миледи, — говорит Ана.

Пальцы ловко расстегивают застежку, прикасаются к шее — быстрые и осторожные. Кулон ложится на кожу, совсем чуть-чуть не доставая до лифа платья. Гвенейра тянется к нему пальцами и слегка гладит, не отрывая взгляда от зеркала. Тепло. Слишком тепло для камня.

Он кажется живым — всегда казался.

Иногда Гвенейра думает, что он бьется вместе с ее сердцем, но это, наверное, лишь иллюзия, слишком богатое воображение. Мама подарила его ей на шестнадцатилетие, и именно она первая застегнула его на шее Гвенейры.

«Чтобы ты чувствовала себя уверенно», — сказала она тогда.

Мама не сказала, откуда же достала этот кулон. Не то, чтобы Гвенейра спрашивала: она приняла подарок, безо всяких сомнений, и вопросов.

— Спасибо, — говорит она Ане и чуть улыбается.

Все хорошо, ее уже ждут там.

Кто-то, кого она должна спасти.

Гвенейра поднимается со стула, тяжелое платье шуршит, будто что-то шепчет. Она выходит из комнаты не оглядываясь. К счастью, Тени рядом больше нет. Или она снова спряталась в щелях между камнями, или ждет.

Встретятся ли они там, когда Гвенейра обратится к дару и коснется Мрака? Иногда казалось, что Тень боится мамы, потому что почти не появляется рядом с ней. Но это, вероятно, самообман. Тени все равно, кто рядом.

Лестница — как всегда — слишком длинная, самая длинная из всех в этой башне. Ступени тянутся вниз бесконечно, сливаясь в серую полосу, платье цепляется за каждый край, будто хочет удержать ее, заставить вернуться. Гвенейра продолжает идти вперед, чуть касаясь кончиками пальцев стен. Однажды, в детстве, она оглянулась — и увидела, как Тень стоит на верхней ступени, будто наблюдая.

С тех пор она не смотрит назад.

Воздух в башне плотный, прохладный, пропитанный запахом воска и старых свечей. Даже здесь, вдалеке от трона, жизнь — тяжелая. Давящая. Как корсет. Как обязанности. Как имя, которое она носит.

В самом низу лестницы начинается галерея, и там ее встречает портрет. Его давно никто не перерисовывал: не с кого. На нем изображен ее отец, король Альбин. Его взгляд мягкий, немного потерянный, к которому Гвенейра привыкла.

Рядом — Лилия. Ее мать. Не мама. Первая королева.

Они оба смотрят на нее с холста. Один — с любовью, немного далекой и похожей на свечу в окне: свет приятен глазу, но почти не приносит тепла. Другая С той же самой любовью, которой Лилия просто не успела поделиться? Или с осуждением?

Понравилось ли бы ей то, что Гвенейра так похожа на королеву Валентию, потому что была ею воспитана? Понравилось ли бы, что Гвенейра зовет мамой совсем не Лилию?

Она качает головой. Не важно. Мертвое мертвым, верно?

Гвенейра отворачивается от портрета и спешит дальше. Коридор сужается, стены приближаются, как будто ведут не в зал, а в чрево чего-то огромного и древнего. Дверь в каменный зал — не дерево, а черный камень, вделанный в стену, с узором, напоминающим корни, обвивающие сердце.

Здесь она встречается с внешним миром, таким далеким и одновременно близким. Она знает: все для ее безопасности, так ей постоянно говорят.

Гвенейра верит.

Она касается его ладонью, и дверь открывается без звука.

Мама уже ждет. Она стоит спиной к коридору, лицом к окну — солнце ярко выделяет ее темный силуэт, словно обводя золотой кистью. Черное платье без лишних узоров, но с тяжелыми длинными рукавами, до самых пальцев. Гвенейра знает: под ними шрамы, но не от огня и стали, а от чего-то, что проникает под кожу. Что-то, что оставляет следы и на душе.

В конце концов, так они узнали про ее дар: когда Гвенейра коснулась мамы и исцелила.

Но мама все равно никогда не показывает руки полностью. Запястья Гвенейры, наоборот, всегда открыты, реже ей позволено оголить руки до самых локтей.

— Ты опоздала, — говорит мама, не оборачиваясь, ее голос легок и полон воздуха. — Снова плохо спала?

Гвенейра замирает и опускает взгляд на пол. В ее ушах это не просто вопрос о сне точнее, вопрос совсем не о нем.

Как сильно ты была близка к смерти во сне в этот раз?

Гвенейра не станет лгать. Не маме. Как она может?

— Мне снились чудовища, — повторяет Гвенейра как мантру. — Но я проснулась прежде, чем они успели напасть.

Прежде, чем они успели разорвать ее на части.

Мама поворачивается. Ее глаза яркие и светлые, того странного оттенка серого, от которого они кажутся почти прозрачными. У Гвенейры темные глаза королевы Лилии.

— Тень снова была рядом? — спрашивает мама.

Словно это вопрос о погоде. Как будто Тень — всего лишь блудная кошка, которая иногда заглядывает в гости. Отчасти так и есть. Только кошка эта намного намного больше — скорее огромный зверь, притаившийся во время охоты.

Гвенейра кивает.

— Она становится смелее. Иногда я не могу ее прогнать одним словом.

Мама смотрит на нее будто целую вечность, потом протягивает руку. Не ладонью вверх, как приглашение, а ладонью вниз, как будто держит что-то невидимое.

Гвенейра кладет свою руку под мамину и чувствует знакомый холод ее кожи.

— Но она все равно уходит, верно?

Гвенейра кивает.

— Идем, — говорит мама. — Тебя уже ждут.

И улыбается, но эта улыбка совсем не отражается в ее глазах.

Коридор простирается впереди, темный и холодный, сужаясь еще больше. Стражники появляются из темноты, словно собираясь по частям: ее верные рыцари, закованные в латы. Гвенейра никогда не видела их лиц, только слышала их шаги, всматривалась в узоры на мечах и робко спрашивала имена, чтобы потом забыть.

Два стражника ждут возле следующей двери, держа оружие наготове: никто не войдет и не выйдет без их ведома. Но, конечно, свою королеву и принцессу они пропускают без слов.

Один лишь кивок — и мама вместе с Гвенейрой проходит в следующий зал.

Внутри просторно, но сумрачно. Кругом бесконечный камень снова и снова, как на той самой лестнице, а еще свечи, расставленные повсюду. Конечно, будь тут библиотека, все бы сгорело вмиг, но камень не горит. Здесь нечему гореть, кроме плотных тканей ее платья, да и оно не загорится так легко.

Окно всего одно, совсем небольшое, в него сможет прокрасться разве что особо худая кошка, но никак не человек. Даже для ребенка оно слишком маленькое и узкое: попытаешься и застрянешь, да и не спустишься, потому что окно под самым потолком.

Все ради ее безопасности — привычная мантра.

Витающий в воздухе запах, как всегда, немного странный: смесь воска и горьких трав.

В центре комнаты на коленях сидит женщина в сером платье. Она слабо дрожит и шумно дышит, опустив голову. Длинные, спутанные светлые волосы закрывают ее лицо, напоминая тонкие нити паутины, но даже сквозь них Гвенейра замечает знакомую темную повязку, закрывающую глаза.

Никому не позволено ее видеть.

Никому не позволено срывать повязку не то, чтобы они смогут, с завязанными руками.

Все ради ее безопасности

В глубине души Гвенейра ненавидит это, ненавидит больше всего на свете, но ничего не может изменить. Не сейчас. Может, даже никогда, но каждый исцеленный ею человек — это еще одна жизнь, вырванная из цепких когтей Мрака. Их благодарный шепот — то, что согревает ее в особенно темные и одинокие ночи.

Ей этого достаточно.

Должно быть достаточно.

— Кто здесь? — хрипит женщина, кажется, что она с силой выталкивает слова из себя.

Гвенейра не отвечает: ей не разрешено. Все по тем же причинам. Мама тоже молчит, лишь отпускает ее руку и замирает у входа.

— Сейчас тебе помогут, — говорит за них один из стражников. — Молчи и не мешай.

Женщина вздыхает и ерзает на месте, явно пытаясь найти положение, в котором веревки не так сильно давят на руки. Под ее коленями матрас, но он жесткий, Гвенейра много раз опускалась рядом с теми, кого исцеляет, потому что ей так удобнее.

Она кивает самой себе и немного медлит, прежде чем начать, как медлит почти всегда, но не из страха. Точнее, не только из-за него. Мама учила ее: никогда не бросайся в этот омут с головой, не позволяй эмоциям контролировать себя, иначе Мрак тебя погубит.

Она набирает в грудь побольше воздуха и идет к женщине, которая вздрагивает, стоит Гвенейре остановиться в шаге от нее. Ее дыхание все еще шумное. Это самый громкий звук в тишине зала.

— Кто — и тут же обрывает себя. — Не важно

Ее голос все такой же хриплый, похожий на шорох гальки, по которой кто-то бежит. Кажется, что ей больно говорить, но она все равно пытается. Гвенейра сочувственно морщится.

Ничего, сейчас станет лучше.

Гвенейра на мгновение закрывает глаза и позволяет себе раствориться в ощущении тепла, но потом она тянется дальше. Сначала ничего, только ее собственное дыхание и звук бьющегося сердца. А потом все сразу. Она чувствует холод — покалывание на кончиках пальцев — в каждой трещине в стене и в полу, в каждом углу. Но особенно в этой женщине.

Мрак — нечто эфемерное вокруг, холодное, будто родниковая вода, проникающая морозом под кожу, чтобы остаться в костях. Поэтому ладони Гвенейры всегда теплые: только так можно победить.

Она опускается на колени рядом с женщиной и аккуратно кладет руки на ее плечи. Сначала именно плечи, потому что так безопаснее. Так она меньше пугает тех, кому пытается помочь: они нередко пытались ее оттолкнуть, если Гвенейра касалась их груди сразу.

Женщина дышит, громко и шумно.

Гвенейра снова закрывает глаза и сосредотачивается — вдох и выдох. Она чувствует эту тьму в костях, в самой душе, похожую на трещины на фарфоре. Конечно, это не то, что можно исправить полностью: разбитая чашка все равно останется таковой, не важно, насколько хорошо спрятать сколы и склеенные части за новыми слоями краски.

Следы всегда останутся, и в эти трещины Мрак может проникнуть снова, если Гвенейра не наполнит их чем-то еще.

Своим теплом.

Она медленно дышит, стараясь дотянуться до каждого скола, до каждой трещинки где-то в самой глубине, чтобы избавиться от них разом, а потом

А потом происходит все.

Гвенейра чувствует острый укус боли в руке и испуганно распахивает глаза, чтобы встретиться с чужим взглядом. Глаза женщины удивительно яркого оттенка голубого, как чистое весеннее небо.

В ее руке осколок чего-то острого, который она воткнула Гвенейре прямо в тыльную сторону ладони.

Кровь капает на платье.

Кровь стучит в ее ушах набатом, заглушая все звуки.

Губы женщины шевелятся, но слов не разобрать. Все свечи вдруг вспыхивают ярчайшим пламенем, подобно десятку солнц.

Больно

Как больно

Гвенейра отшатывается назад — стража бросается вперед, но там, на матрасе, больше не женщина, а птица. Какая-то крошечная и серая, с белыми перышками на крыльях.

И птица бросается в то самое крошечное окно быстрее, чем кто-то успевает замахнуться мечом: нельзя достать большим оружием нечто столь маленькое.

Птица улетает — свечи гаснут.

Гвенейра сидит на коленях на каменном полу, прижимая окровавленную ладонь к груди и дрожа. Знакомые холодные руки обнимают ее за плечи, кажется, мама что-то говорит, но уши будто набиты соломой или плотной тканью.

Она не может понять, что же произошло. Но знает одно: башня больше не безопасна.

А в ухе, поверх неразборчивого шепота матери и стука сердца до того молчавшая Тень хрипло смеется.

И Гвенейре кажется, что этот голос ей знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.